

П. А. НИКОЛАЕВ

ОТКЛИКИ НА ПАРИЖСКУЮ ЭКОНОМИЧЕСКУЮ КОНФЕРЕНЦИЮ 1916 г. ВО ФРАНЦИИ, АНГЛИИ и РОССИИ

Парижская экономическая конференция, состоявшаяся с 14 по 17 июня н. ст. 1916 г., была созвана в соответствии с решениями Парижской конференции союзников (март 1916 г.)¹ и рекомендациями Парижской международной парламентской конференции по экономическим вопросам (апрель 1916 г.)² Конференции предшествовала длительная переписка между правительствами союзников, в ходе которой обсуждались цели конференции, состав ее участников и программа ее работы. В работе конференции участвовали представители восьми государств: России, Франции, Англии, Италии, Японии, Бельгии, Сербии и Португалии. Конференция разработала обширную систему мероприятий, рассчитанных на то, чтобы задуть Германию железным кольцом блокады, всемерно ограничить возрождение ее промышленности и торговли после войны и утвердить в Европе господство франко-англо-русского экономического блока.³

Инициатором созыва Парижской конференции являлась Франция. Французские монополии рассчитывали использовать блокаду Германии для того, чтобы отобрать у Германии ее рынки сбыта в Европе и других частях света, резко увеличить военно-промышленный потенциал Франции за счет использования ресурсов Лотарингии, Эльзаса, Саара и, передвинув границу на Рейн, создать экономические и стратегические предпосылки для установления гегемонии Франции на континенте. Естественно поэтому французская дипломатия настойчиво боролась за быстрое и наиболее полное осуществление решений конференции.

¹ Международные отношения в эпоху империализма, сер. III, т. X, М., 1938, №№ 420, 421, 425, 426.

² ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 11, д. 550, лл. 6—7.

³ Резолюции конференции см.: там же, д. 686, лл. 22—28.

Англия поддерживала блокаду Германии во время войны и вела упорную борьбу с германской конкуренцией. Однако английские империалисты ни в коем случае не желали допустить нарушения «равновесия сил» в Европе. Они были против чрезмерного ослабления Германии и усиления Франции после войны. «В интересах Британской империи было бы сохранить Германию в качестве сильной сухопутной и слабой морской державы»,⁴ — указывалось в меморандуме начальника британского генерального штаба У. Робертсона. Не менее желательно, продолжал он, было бы сохранить и нынешний австро-германский блок, так как «на суше он будет ограничивать силы России и славянских государств, а на море помешает превратить Средиземное море во французское и итальянское озеро».⁵ Кроме того, Англии и ее доминионам было невыгодно окончательно прервать всякую торговлю с Германией. Лорд Бальфур категорически возражал против французского предложения о том, чтобы подражать поведению Германии в 1871 г. и навязать ей торговый договор на таких же невыгодных условиях, на каких он был навязан Франции после франко-прусской войны. Поэтому после подписания перемирия с Германией английское правительство требовало от французов отмены блокады.

Поддерживая блокаду Германии, русские помещики и капиталисты надеялись после войны избавиться от кабального русско-германского торгового договора 1904 г., укрепить русскую валюту и усилить развитие промышленности путем привлечения английских, французских и американских капиталов. Вместе с тем они пытались сохранить для себя определенную свободу действий во внешней торговле. Поэтому они добивались подготовки нового автономного таможенного тарифа, т. е. такого тарифа, который они могли бы в дальнейшем изменять по своему усмотрению. Они возражали против заключения торговых соглашений, которые могли ограничить свободу экономической политики России в будущем. Они не считали рациональным немедленное вступление России в какие-либо таможенные союзы. Иными словами, русский империализм не считал возможным заранее согласиться на окончательный разрыв русско-германских торговых связей в будущем, чего добивались французские представители на Парижской конференции. Ни царское, ни временное правительство не ратифицировали парижские соглашения.

Таким образом, попытка осуществления решений конференции, призванных закрепить победу союзников над Германией,

⁴ Д. Ллойд Джорж. Военные мемуары, тт. I—II. М., 1934, стр. 551—552.

⁵ Там же.

вызвала острые разногласия внутри Антанты. Насколько далеко расходились союзники в методах осуществления этих решений, можно судить хотя бы по откликам на итоги Парижской конференции во Франции, Англии и России. О них, хотя далеко и не в полной мере, дают представление некоторые документы Министерства торговли и промышленности, хранящиеся в Центральном государственном историческом архиве в Ленинграде.

I

Наиболее широко решения Парижской конференции толковались во Франции. Парижская конференция, — указывала одна из газет, — это экономический противовес лондонскому политическому соглашению в сентябре 1914 г. о незаключении сепаратного мира.

Иными словами, союзникам Франции давалось понять, что от них ожидают, что они не будут впредь заключать экономических соглашений с Германией без согласия французов так же, как они не будут подписывать с ней сепаратного мирного договора. Французские журналисты вычитывали из парижских решений гораздо больше того, что в них было записано. Ни один из пунктов парижских резолюций не предусматривал такого обязательства. Кроме того, премьер-министр Бриан в беседе с русским послом А. П. Извольским в марте 1916 г. уверял, что французы не настаивают на том, чтобы на конференции союзники взяли на себя обязательство не заключать торговых договоров с неприятельскими странами без предварительного согласия остальных союзников.

Восторженно приветствуя результаты Парижской экономической конференции, газеты утверждали, что конференция — это «историческое событие, это самый могущественный, богатый и многочисленный по своему составу экономический блок, когда-либо существовавший». Она вызывает общее удовлетворение и дает уверенность в том, что «союзники, застигнутые врасплох войной, успеют как следует подготовиться к миру». «Постановление конференции — документ, который в день приложения его к жизни поможет нам быстро восстановить разрушения, причиненные войной, и составляет основу тесного соглашения, открывающего возможность освободить весь мир от германского владычества». «Объединение требует жертв и уступок, но их необходимо перенести во имя солидарности, обеспечивающей достижение высших целей».⁶

Так писали в июне 1916 г. «Журналь де деба» («Journal de Débats»), «Голуа» («Gollois»), «Тан» («Temps»), ликовавшие

⁶ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 8, д. 191, лл. 10—11.

по поводу того, что Франции наконец-то удалось одержать реванш.

Необходимость ограничения торговли Германией после войны вызывалась, по мнению французских государственных деятелей, следующими причинами.

В Париже утверждали, что, во-первых, за десять лет, с 1903 по 1913 г., немцы удвоили свой экспорт, который достиг 12 млрд фр. Но успех этот был достигнут путем демпинга, системы правительственных экспортных премий, поставок товаров в долгосрочный кредит и внедрением германского капитала в экономику других стран.⁷

Во-вторых, немцы производят громадные закупки хлопка, шерсти, жиров, меди, вольфрама, железной руды в Испании, Швеции, Аргентине, сбывают окольными путями, в частности через Швейцарию и Голландию, большое число готовых изделий во Францию, на что жалуются представители керамической, фарфоровой, электротехнической, кожевенной и часовой промышленности Франции.⁸ Кроме того, Германия закупила в Соединенных Штатах Америки 22,5 тыс. тонн меди, 500 тыс. кип хлопка, а также несколько миллионов бушелей пшеницы, громадное количество кукурузы, шерсти и сельскохозяйственных машин, которые находятся в торговых портах на Атлантическом побережье США.⁹

В-третьих, за годы войны немцы научились добывать из воздуха азот, получать из бурых углей синтетическое горючее и взрывчатые вещества, а также расширили выпуск анилиновых красителей. Несмотря на войну, активно действуют филиалы концерна АЭГ в Швейцарии, Швеции, Испании, Голландии и в самом Лондоне.¹⁰ Одновременно немецкие войска разрушили большинство текстильных фабрик, суконных предприятий и литейных заводов в северной Франции и Бельгии, взорвали там компрессоры и паровые котлы на шахтах и затопили их. Таким образом, к моменту перемирия Германия окажется в гораздо более выгодном положении, чем Франция. Она сможет сразу же восстановить свою промышленность, обеспечить ее сырьем, закупленным по дешевым ценам у нейтралов, сбывать союзникам оборудование, необходимое для восстановления разрушенной немцами экономики, и вновь занять ключевые позиции на мировом рынке.

В-четвертых, на экономическом совещании в Вене в ноябре 1915 г. немцы уже договорились с австрийцами о создании эконо-

⁷ Там же, д. 189, лл. 22—23.

⁸ Там же, лл. 21—24.

⁹ Там же, оп. 10, д. 688, лл. 18—19.

¹⁰ Там же, л. 16 об.; там же, оп. 11, д. 480, лл. 2—30.

номического блока в Центральной Европе, в орбиту которого предполагается втянуть Болгарию, Румынию, Турцию и Грецию. Венское совещание решило ликвидировать принцип наибольшего благоприятствования, установить льготные тарифы на товары, поступающие из Германии и Австро-Венгрии, и впредь заключать торговые договоры с иностранными государствами только от имени Германии и Австро-Венгрии, вместе взятых.¹¹

Ввиду вышеизложенного союзники, по мнению французов, должны оградить интересы своей промышленности и торговли от немецкой экспансии, расширить рамки экономического сотрудничества внутри Антанты, торговать между собой по льготным ценам и отказаться раз и навсегда от покупки германских товаров в будущем.

Решение этой задачи облегчается тем, что имеются вполне реальные возможности для того, чтобы задушить Германию. Как указывал Клемантель, союзники держат в своих руках все мировое производство никеля, платины и бокситов, 84% производства марганца. Союзники выпускают в 4,5 раза больше пеньки, в 11 раз больше шерсти и в 8 раз больше шелка, чем их противники. Они контролируют целиком производство джута и $\frac{4}{5}$ мирового производства льна.¹²

Таким образом, французские политики пытались убедить общественное мнение Европы, что намеченные Парижской конференцией драконовские меры против Германии — это всего-навсего лишь средство от экспансии германских монополий, меры, в проведении которых остальные союзники заинтересованы ничуть не меньше, чем сами французы.

Однако, если обратиться к секретной переписке царского Министерства торговли и промышленности с его агентом в Париже — Батшевым, то нетрудно установить, что в Париже намечались совсем иные, далеко идущие планы.

Из донесений Батшева видно прежде всего, что инициаторами созыва Парижской экономической конференции являлись руководящие круги французской финансовой олигархии и специально созданная ими в декабре 1915 г. Ассоциация содействия развитию экономического могущества Франции. Характеризуя руководящие органы этой ассоциации, Батшев сообщал 19 декабря 1915 г. в Петроград: «Судя по составу бюро и Совета, ассоциации удалось объединить все главнейшие торгово-промышленные организации и торговые палаты, причем в ней представлены все отрасли народного хозяйства: сельское хозяйство, торговля, промышленность, мореходный промысел».¹³ Председателем ассоци-

¹¹ Там же, оп. 8, д. 189, л. 77.

¹² Там же, оп. 11, д. 510, л. 25.

¹³ Там же, оп. 8, д. 189, л. 10 об.

ации был избран председатель Парижской торговой палаты Давид Мэнне, а его заместителями — председатель Центрального комитета французских арматоров и Генеральной трансатлантической компании — Шарль Ру, известный руководитель военного концерна — Е. Шнейдер, вице-президент Сената, председатель Ассоциации французской промышленности и земледелия и одновременно глава Торговой палаты в Сент-Каптене — Турон, сенатор Маскюро и бывший министр земледелия Виже. Кроме того, для заведования делами ассоциации в ее распоряжение министром иностранных дел был откомандирован бывший коммерческий агент в Петрограде — полномочный министр Дюпейра.

Объясняя, почему Франция заинтересована в быстрейшем созыве экономической конференции, директор французского Департамента торговли и промышленности Боллэ сообщил Батшеву в феврале 1916 г., что во влиятельных торгово-промышленных кругах Франции, без оглашения об этом в печати, усиленным образом обсуждается вопрос о последствиях присоединения к Франции Эльзаса, Лотарингии, Саарской и Рейнской областей. В таком случае, говорил Боллэ, в руках французов оказались бы наиболее мощные залежи железа в Брийе, высокосортного каменного угля в Сааре, а также запасы калийных солей, нефти, и каменной соли. Кроме того, в Эльзасе и Лотарингии находятся мощные металлургические и прядильные предприятия. По подсчетам экспертов, присоединение этих двух провинций к Франции удвоило бы мощность французской металлургии и значительно увеличило мощность прядильной промышленности. Торгово-промышленные круги серьезно беспокоил вопрос, как найти дополнительные рынки для сбыта увеличившейся продукции и избежать кризиса перепроизводства на внутреннем рынке. «Вопросом этим, — писал Батшев, — между прочим, серьезно занимается „Комитэ де форж де Франс“, объединяющий все главные профессиональные синдикаты в каменноугольной, металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности».¹⁴

С целью предотвращения кризиса на французском внутреннем рынке «Комитэ де форж» («Comité de forges de France») считал, что при заключении мирного договора Франция должна получить право ввозить в Германию в течение 10 лет без обложения пошлиной такое же количество товаров, какое ввозилось туда перед войной из Эльзаса и Лотарингии.

Как известно, в течение первой мировой войны французское правительство неоднократно ставило перед царским правительством вопрос о присоединении Саара и Рейнской области к Франции. Окончательно этот вопрос был решен на Петроградской

¹⁴ Там же, лл. 119—120.

конференции союзников 14 февраля 1917 г. В соответствии с франко-русским соглашением, подписанным Думергом за спиной англичан, царское правительство обязалось поддерживать претензии Франции в отношении ее восточной границы с Германией, а французское правительство подтвердило соглашение 1915 г. о передаче Константинополя и проливов России и признавало за ней полную свободу в определении ее западных границ.¹⁵

Но этим не исчерпывались агрессивные планы французских империалистов. Они надеялись на то, что в результате разгрома Германии им удастся захватить господствующие позиции и на русском рынке. Поэтому еще в ходе войны они настойчиво добивались пересмотра русских таможенных тарифов и обеспечения максимально благоприятных условий для доступа французского капитала в Россию.

Об этом красноречиво свидетельствовали рекомендации комиссии сенатора Мелина,¹⁶ в разработке которых участвовали виднейшие промышленники и финансисты Франции.

Под предлогом борьбы с немецкой конкуренцией Мелин предлагал, чтобы в русские порты были допущены французские экспортеры, которые бы проверяли качество экспортируемых во Францию русских товаров. Ставки таможенных тарифов должны были определяться не русским правительством, а смешанной франко-русской комиссией. Французским коммерсантам предоставлялось право на беспрепятственный въезд и выезд из России, на беспошлинный провоз товаров, на организацию в России частных складов товаров с правом продажи таковых. Предполагалось снижение пошлин на многие французские товары, включая вина, минеральные воды, медицинские препараты и др. Если, указывал Мелин, какое-либо русское общество найдет во Франции капиталы, необходимые для своего предприятия, то французские промышленники, при одинаковых ценах, получают не менее половины заказов.

Что касается займов русских городов, то Мелин предлагал размещать их во Франции только при условии предоставления соответственными городами французским обществам участия в размере 50% в работах предприятия, для осуществления коего заключался заем, или же предоставления французским обществам заказов в полном размере, если таковые передавались за границу.

Главное же требование Мелина состояло в том, чтобы в России была установлена тройная система таможенных тарифов:

- 1) льготного, применяемого к союзным с Россией странам;

¹⁵ Константинополь и проливы, т. I. М., 1924, стр. 454—456.

¹⁶ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. II, д. 702, лл. 5—8.

2) конвенционного, применяемого к государствам, имеющим с Россией торговые договоры, и

3) общего — для всех прочих стран.

Это означало, что впредь Россия лишается права торговать на льготных условиях не только со странами, с которыми она воевала, но даже и с нейтральными странами.

Таковы были принципы, на которых, по мнению французов, должны были основываться франко-русские торговые отношения после войны. Таким образом, решения Парижской конференции, которые принимались под предлогом борьбы с немецкой экспансией, в действительности рассматривались французскими монополиями как средство для осуществления своих империалистских планов.

II

Решение Парижской конференции о блокаде Германии во время войны встретило одобрение руководящих кругов английской буржуазии. Торговые палаты Лондона, Бредфорда, Ковентри, Эдинбурга, Глазго, Манчестера, Нью-Кестля, Ноттингема, Шеффилда и других городов приветствовали закрытие филиалов немецких фирм в Англии и повышение пошлин на металлы, краски, оптические приборы, химические продукты и другие изделия, ввозившиеся из Германии. Они настаивали на том, чтобы впредь товары из юго-западной Африки перевозились бы не на немецких, а на британских кораблях. В Англии принимались срочные меры по развитию так называемых «новых» отраслей промышленности (химическая и электротехническая) с тем, чтобы обеспечить экономическую независимость Англии от Германии. Мероприятия по борьбе с немецкой конкуренцией встретили полную поддержку со стороны доминионов, в частности — Австралии и Канады. Они были также заинтересованы в том, чтобы ограничить свою молодую промышленность от посягательств немецких фирм.

Таким образом, британские империалисты поддерживали решения Парижской конференции в той мере, в какой они способствовали осуществлению их главных целей в первой мировой войне: ослабить Германию как торгового конкурента, уничтожить ее военно-морской флот, захватить ее колонии и рынки сбыта, расширить и упрочить свои позиции на мировом рынке.

Однако английские империалисты ни в коем случае не собирались допустить того, чтобы Франция окончательно раздавила Германию и стала доминирующей военной и экономической силой на континенте.

Еще при принятии приглашения на экономическую конференцию кабинет Асквита сделал две существенных оговорки. Во-

первых, правительство заверило общественность, что оно не примет на себя никаких обязательств в Париже, не посоветовавшись предварительно с промышленно-финансовыми кругами, с парламентом и доминионами. Во-вторых, Асквит подчеркнул, что Англия проводит разницу между мерами, подлежащими принятию во время войны с целью быстрейшего ее завершения, и мерами, которые могут быть приняты после войны для защиты интересов союзников. Таким образом, Англия с самого начала выступала против принятия таких решений, которые могли бы сковывать ее свободу действий после войны.

Эта двойственность при подходе к решению послевоенных проблем проявлялась в выступлениях даже такого яркого сторонника блокады Германии, как премьер-министр Австралии — Чарльз Юз, который был членом британской делегации на Парижской конференции.

С одной стороны, выступая в Мэншэн Хауз с докладом «Внешняя торговля Британии до и после войны», Юз заявил: «Я уверен, что при помощи их (т. е. резолюций Парижской конференции, — П. Н.) мы сможем вонзить Германии кинжал прямо в сердце».¹⁷ Однако, с другой стороны, он тут же делал следующую оговорку: «Я не говорю, что мы должны порвать торговые сношения с Германией».¹⁸

Крайне характерен и спор, возникший при обсуждении итогов конференции между сторонниками и противниками свободной торговли. Одни уверяли, что парижские решения ничего не изменят и что Англии все равно придется торговать с Германией. Другие утверждали, что пора рассчитаться с немцами и что высокие тарифы — это единственное средство спасения Англии.

«Политика открытых дверей, — писала «Стар» («Star»), орган фритредеров, — с честью выдержала испытание. Она дала Англии возможность финансировать всех союзников. Без преувеличения можно сказать, что английский кредит оказался неизмеримо выше германского, а он является продуктом свободной торговли. Таким образом, свободная торговля ведет к победе».¹⁹ «Если бы таможенная охрана была надежным средством против германской политики мирного завоевания, — спрашивала «Дейли Ньюс?» («Daily News»), — то почему же она не спасла Россию, Францию и Италию, в которых германское влияние, несмотря на высокие тарифные барьеры, было сильнее, чем в Англии — стране свободной торговли?»²⁰ — «Серьезно ли думают наши идеалисты о таможенной войне после заключения мира?» — ставил вопрос

¹⁷ Там же, оп. 8, д. 191, л. 35.

¹⁸ Там же, л. 36.

¹⁹ Там же, л. 15.

²⁰ Там же, л. 16.

«Экономист» («Economist»). А «Нью стейтсмен» («New Statesman»), как бы отвечая на него, констатировал: «После войны Германия по-прежнему останется, вероятно, самым крупным производительным центром на континенте, центром, торговая деятельность которого открывает для нас огромные экономические возможности. До войны Германия была лучшим покупателем Англии и наоборот; нелепо говорить о том, что такое положение было искусственно или выгодно только для одной стороны». «Если, — добавляла «Нэйшн» («Nation»), — одна половина Европы будет стремиться вытеснить другую с ее рынков, причинить вред ее промышленности и преградить ей доступ к сырью, — бесполезно говорить о конференциях и лигах для упрочения мира».²¹

Наконец, полемизируя с главным тезисом французской дипломатии «о нечестных методах» немецких торговцев, газета «Дейли ньюс» («Daily News») указывала, что конференция не разгадала истинных причин достигнутых Германией успехов. «Причиной их был не демпинг, ибо мы все к нему прибегаем, и не таможенные тарифы, которыми ограждались все, кроме Англии, где Германия достигла наименьших успехов. Причина лежит глубже — это превосходство научного образования, способов ведения дела, лучшая организация производства, внимательное отношение к потребителю, высокая постановка консульской службы и отзывчивость правительства к нуждам торговли. Таким же оружием союзники могли бы лучше всего защитить себя от Германии».²² Если англичане установят ввозные пошлины, говорили фритредеры, то от них в первую очередь пострадают союзники Англии.

Протекционисты решительно отвергали доводы фритредеров. «Не может быть, — восклицала «Дейли кроникл» («Daily Chronicle»), — чтобы самая катастрофическая из всех революций, перенесенных Европой, каковой является настоящая война, — оставила неизменными наши прежние представления. Старые принципы должны быть изменены в той мере, какая необходима для предотвращения германской опасности, открытой благодаря войне. Старый принцип *laissez faire*, связанный со свободой торговли, вне всяких сомнений, умер».²³ «В Англии, — заявляла «Дейли мейл» («Daily Mail»), — имеется известное число сентиментальных людей, преисполненных сознанием собственного великодушия, которые пытаются нас уверить в том, что после войны мы должны протянуть Германии руку. Их прельщает де-

²¹ Там же, лл. 16—17.

²² Там же, лл. 17—18.

²³ Там же, л. 19.

шевизна германских товаров и, отождествляя собственные выгоды с благом страны, они противятся вытеснению Германии с английского рынка. Мы же смотрим поверх цены, обозначенной на товарах, и видим ту цену, которую нам теперь приходится платить за германскую дешевку прежних поколений. Все, что мы сберегли серебром, мы заплатили нашей кровью, и, конечно, поскольку это в нашей власти, мы не повторим своей ошибки.²⁴ «Если бы Великобритания, — заявил председатель Норвичской торговой палаты Артур Сэмюэль корреспонденту «Ивнинг стандарт» («Evening Standard»), — восприняла 10 лет назад одну десятую часть положений, установленных теперь в полном единодушии на Парижской конференции, — Германия не смогла бы на барыши, полученные от английской торговли, создать флот и армию, производящие теперь неслыханные насилия и грабежи».²⁵ «Морнинг пост» («Morning Post») пошла еще дальше и объявила, что все, кто в настоящее время высказываются за свободную торговлю, — сознательно или бессознательно работают на пользу Германии. «Ни один деловой человек, — считала «Инвесторс гардиэн» («Investor's Guardian»), — не допускает и мысли о предоставлении германским товарам свободного доступа в Англию после войны». «Таможенные тарифы и взаимность — единственные средства, при помощи которых недобросовестной торговле может быть положен конец, а правильная торговля получит защиту. Все, в чем страна нуждается, может быть доставлено ей беспошлинно, на основании взаимного соглашения с союзниками», — отмечала «Сэтэрдей ревью» («Saturday Review»).²⁶

«Дейли телеграф» («Daily Telegraph») предлагала обложить после войны всех немецких экспортеров особым личным налогом. А «Аутокар» («Autocar») объявила, что она раз и навсегда отказывается от приема объявлений германских предприятий.²⁷

Но как же английские монополисты все-таки предполагали провести в жизнь парижские решения? Как они конкретно представляли себе в дальнейшем развитие торговли между Англией, ее колониями и доминионами, союзными, нейтральными и враждебными государствами?

Эту проблему пытался решить специальный Комитет по вопросам торговли во время войны и после ее окончания. Он подготовил для Совета Лондонской торговой палаты схему таможенного тарифа. В соответствии с ним устанавливались три тарифа: для вражеских стран — максимальный (пошлина в размере до

²⁴ Там же.

²⁵ Там же, л. 20.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же, л. 31.

30% стоимости товаров), для дружественных нейтральных стран — общий (пошлина в размере 20% стоимости товаров) и для доминионов и союзных стран — минимальный тариф (для готовых изделий — пошлина 10%, сырье пошлиной не облагалось). От этого проекта мало чем отличалось и решение имперского Совета торговли, который подавляющим большинством голосов высказался за преференциальные тарифы для империи, за взаимные льготы между союзниками, за доброжелательное отношение к нейтральным странам и за репрессии по отношению к вражеским странам.

Однако эти проекты не устраняли тех многочисленных противоречий, с которыми неминуемо сталкивались английские монополии.

Во-первых, рассуждали английские политики, если сохранить за колониями право вывоза в Англию своих сельскохозяйственных товаров по льготным тарифам, то это означало бы толкнуть в объятия Германии Россию, которой после войны некуда было бы сбывать свои сельскохозяйственные продукты. Но если пойти навстречу России и покупать ее товары, то в таком случае можно лишиться покупки дешевого сырья и продовольствия в колониях.

Во-вторых, как быть в том случае, если после войны Россия не согласится сбывать свои товары за бесценок, как их сбывают колонии, а потребует более льготных таможенных ставок. Спрашивается, до каких же пределов союзные страны окажутся в состоянии обложить себя налогом, покупая друг у друга предметы, которые они могли бы купить по более низкой цене вне заколоченного круга.

Ломая себе голову над этими неразрешимыми проблемами, некоторые британские экономисты считали все же возможным пойти на жертвы и покупать товары по более высоким ценам в России. Что же касается убытков, то они предлагали переложить их на плечи американцев. В Англии тогда писали, что американцы жнут теперь там, где не сеяли, и потому по меньшей мере справедливо заставить их потом заплатить за нейтралитет более высокими ставками тарифа. По мнению Лондонской торговой палаты, американские товары могли бы облагаться пошлинами, достигавшими почти 20% их стоимости.

Но и это предложение было явно нереалистичным. Оно могло привести лишь к острейшему конфликту с американцами. Последние не только не собирались предоставлять дотации британским импортерам, а наоборот, сами норовили проникнуть в английские колонии и доминионы. С этой целью они настойчиво добивались от англичан полной «свободы торговли» и «свободы морей».

«Эти американцы, — с негодованием писал английский посол в Париже лорд Берти, — прогневшая шайка жуликов, распеваящих псалмы и гоняющихся за барышами».²⁸

Таким образом, попытка осуществления парижских решений за счет интересов союзников или нейтральных стран создавала новые противоречия.

Что же касается германских империалистов, то они внимательно следили за противоречиями в лагере союзников, возникшими в связи с Парижской конференцией, и старались по возможности использовать их.

Так, буржуазный немецкий экономист Карл Келлер, полемизируя с Клемантелем, указывал, что пока США сохраняют нейтралитет, немцам нечего бояться французских угроз. Никель, ввозимый Германией, говорил он, перерабатывается не в Новой Каледонии и в Канаде, а главным образом в Соединенных Штатах Америки. Платина имеется не только в России, но и в Колумбии. Бокситы, помимо Франции, добываются в США, Далмации и Трансильвании. Марганец есть не только в России и Индии, но и в Бразилии, а также в Сербии, Болгарии и Турции. Вольфрамом богаты не только Австралия, Индия и Португалия, но и Испания, Бразилия, Аргентина и, вероятно, Турция. Лен Германия сможет получать из Курляндии, а шелк из Болгарии и Турции. Джут можно заменить крапивой.²⁹

Далее Келлер приводил данные, свидетельствующие о том, что от прекращения торговли с Германией пострадают не только Голландия, Бельгия, Швейцария и Скандинавские страны, но и Россия, Чили, США, Бразилия, Италия и другие страны.

Лейпцигский профессор Франц Эйленбург, анализируя решения Парижской конференции, отмечал в вышедшей тогда же работе «Всемирно-экономические возможности», что после войны в мировой торговле симпатии или антипатии не будут иметь никакого значения. Австралийцы, рассуждал он, заинтересованы в тесных связях с метрополией. Но они не смогут отказаться и от торговли с Германией. Последняя закупала у них шерсти на 400 млн марок, т. е. столько, сколько англичанам не удастся ни купить, ни переработать. Между Россией и Францией существуют тесные политические и финансовые связи, но Франция никогда не могла закупать в большом количестве русского хлеба и поставлять в Россию что-либо существенное, за исключением вин и парфюмерии. Не менее острые противоречия существуют между Францией и Англией. Французская текстильная промышленность боится ввоза английского текстиля не меньше, чем немецкого.

²⁸ Ф. Л. Берти. За кулисами Антанты М.—Л., 1927, стр. 81.

²⁹ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 11, д. 510, лл. 25—26.

Наконец, французы опасаются конкуренции со стороны итальянских экспортеров фруктов и винограда. Поэтому и Эйленбург считал, что «слишком больших ужасов опасаться не следует».³⁰

Комментируя резолюции Парижской конференции, «Рейниш-Вестфалише цейтунг» («Reinisch Westfalische Zeitung») прямо указывала, что экономическая борьба союзников с Германией обречена на бесславный конец.

Если союзники, рассуждали немецкие империалисты, откажут Германии в праве наибольшего благоприятствования, — центральные империи ответят репрессивными мерами. Они смогут вместо русского хлеба покупать аргентинский, вместо французских и итальянских вин — испанские, вместо английских изделий — американские. Если, угрожали они, нам откажут в наибольшем благоприятствовании, мы не дадим Франции, Бельгии и Италии угля и стали, а Англии — железных изделий, а Англия, кроме того, разве не нуждается в наших красках для текстильной промышленности, наших кожах для сапожного дела, нашей бумаге и инструментах? Россия не в состоянии будет сбыть свой хлеб и другие произведения почвы в союзные и нейтральные страны, где ей придется столкнуться с конкуренцией других земледельческих государств. К тому же Россия и Италия испытывают потребность в кредите, а ее не смогут удовлетворить ни Англия, ни Франция. Наконец, после войны никто из-за бывшей дружбы не захочет платить дорого за то, что можно купить дешево при помощи Германии, производящей, в силу целого ряда особых условий, все дешевле. Предсказывая провал парижских решений, генеральный директор страхового общества «Австрийский Ллойд» А. Франкфуртер подчеркивал, что различие в экономических интересах союзников не даст им возможности осуществить после войны те решения, которые были приняты ими, когда они плечом к плечу сражались с общим врагом.³¹

III

В наиболее трудное положение ставили постановления Парижской конференции царскую Россию, которая, по выражению В. И. Ленина, была «невероятно, невиданно отсталой страной, нищей и полудикой, оборудованной современными орудиями производства вчетверо хуже Англии, впятеро хуже Германии,

³⁰ Там же, ф. 560, оп. 26, д. 1467, л. 24.

³¹ Там же, ф. 23, оп. 8, д. 191, лл. 45—46. Последствия политики блокады подробно анализируются в докладе Комитета по ограничению снабжения и торговли неприятеля при русском Министерстве торговли и промышленности — «Экономическое положение неприятельских стран» (20 декабря 1916 г.). В нем дается анализ продовольственного положения

десятеро хуже Америки».³² В 1913 г. в России на душу населения вырабатывалось меньше, чем в США: черных металлов — в 11—12 раз, угля — в 25 раз, нефти — в 6 раз, электроэнергии — в 19 раз.

При наличии неисчерпаемых природных богатств Россия ввозила из-за границы около 20% потребляемого угля, 80% свинца, 30% меди, 80% минеральных удобрений, 85% металлорежущих станков, 60% уборочных машин, свыше 30% молотилок и сеялок,³³ а также плуги, косы, серпы, лопаты пилющие машинки, фотобумагу, бинокли, телефоны и т. д.³⁴

Большую роль в русской экономике играл иностранный капитал. Так, почти вся южная металлургическая и угольная промышленность, а также больше половины нефти и значительная часть добываемого золота принадлежали иностранным фирмам.

Особенно велика была зависимость царской России от иностранного капитала в области внешней торговли. Если германские монополии распоряжались только одной пятой всех зарубежных инвестиций в русской экономике, то зато половина всей внешней торговли России находилась в их руках.

Ни одна из крупных держав того времени не находилась в состоянии такой односторонней зависимости от другой страны, как это имело место с Россией. Так, например, ввоз из США в Англию составлял 21% всего английского импорта. Ввоз из России в Германию составлял 14% германского импорта. Ввоз из Англии во Францию составлял 14% французского импорта. Максимальный ввоз из Германии в Италию составлял 17% итальянского импорта.³⁵

Нетрудно себе представить, в каком положении оказалась Россия в результате внезапного прекращения торговых связей с Германией, свертывания торговли на Балтийском и Черном морях и отсутствия железных дорог, связывающих Россию с Баренцевым и Белым морями.

Недостаток черных и цветных металлов, каменного угля, химического сырья, отсутствие собственной станкостроительной промышленности ставили в отчаянное положение военную про-

Германии, ее внешней торговли, положения промышленности и ее снабжения сырьем, использования рабочей силы и женского труда и, наконец, денежного обращения. См. также «Справку о финансовом положении Германии и Австро-Венгрии» (там же, оп. 11, д. 466).

³² В. И. Ленин. Как увеличить размеры душевого потребления в России? Сочинения, т. 19, стр. 261.

³³ Н. С. Хрущев. Доклад на Пленуме ЦК КПСС 6 мая 1958 г. Правда, 1958, 10 мая.

³⁴ ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 26, д. 1169, лл. 10—18.

³⁵ С. А. Покровский. Внешняя торговля и внешняя торговая политика России. М., 1948, стр. 368.

мышленность. Она не могла снабжать русскую армию в достаточной степени артиллерийскими орудиями, винтовками, пулеметами, патронами, снарядами, минами, порохом, взрывчатыми веществами, военными кораблями, самолетами, бронемашинами, инженерным оборудованием, медицинскими инструментами и препаратами и т. д.

Это обстоятельство использовали английские, французские и американские монополии для того, чтобы навязывать России новые кабальные кредиты и поставки оружия на невыгодных условиях, выкачивать из нее золото. По подсчетам Н. Н. Любимова, Россия вывезла в 1914—1917 гг. за границу золота на 567,4 млн р.³⁶

Иностранная задолженность России достигла в годы войны 13,8 млрд р.

Что касается решений Парижской экономической конференции, то они не только не облегчали, а, наоборот, еще более осложняли положение России.

Во-первых, французские экспортеры требовали, чтобы Россия раз и навсегда отказалась от покупки высококачественных немецких изделий, в том числе машин, аппаратуры, химических изделий, хотя они сами продавали в Россию лишь шерсть, вина и предметы роскоши.

Во-вторых, от России требовали, чтобы она отказалась от главного рынка сбыта своих сельскохозяйственных продуктов, не предлагая ей взамен никакой реальной компенсации. Как известно, англичане и французы не собирались ставить Россию в отношении ввоза хлеба в лучшие условия, чем свои собственные колонии. Французам не нужен был русский ячмень, хотя он являлся важнейшей статьей экспорта России. Меньше всего нуждались в русском зерне американцы, которые покупали в России исключительно меха, невыделанные кожи, марганцевую руду и солодовый корень — всего на 14 млн р. в год. Наконец, на остальных европейских рынках Россия сталкивалась с такими опасными конкурентами, как США, Канада и Аргентина, которые сбывали свои сельскохозяйственные товары по значительно более низким ценам.

В-третьих, взамен кабального русско-германского торгового договора 1904 г. французы предлагали России рекомендации комиссии Мелина. А они предусматривали открытое вмешательство Франции в русское таможенное законодательство, резкое снижение таможенных тарифов и предоставление новых привилегий французским торговцам и промышленникам в России.

³⁶ А. П. Погребинский. Очерки истории финансов дореволюционной России. М., 1954, стр. 237.

Как же встретили эти предложения руководящие круги царской России? Из документов и заключений различных министерств и ведомств, обсуждавших пожелания Мелина, предложения французского парламентского торгового комитета и донесения Батшева, видно, что царские сановники были готовы пойти на значительные уступки союзникам.

Министр иностранных дел С. Д. Сазонов еще в самом начале войны заявил корреспонденту «Таймс» («Times»), что «Германия в последнее время перед войной продавала России более, чем на 500 млн р. Она завалила русский рынок своими машинами, химическими произведениями, мануфактурой. Ныне для Англии и Америки представляется небывалая возможность получить эти рынки. Та страна, которая предусмотрит будущее торговое положение России, извлечет из этого громадные выгоды... Для Америки Россия представляет собой особенно интересный рынок».³⁷

«Отныне, — заявил министр финансов П. Л. Барк в 1915 г. в Париже, — немцев на русском рынке заменят наши друзья — французы, но им, чтобы быть уверенным в успехе, необходимо воспринять германские торговые приемы. Пусть они почаще приезжают к нам, пусть на месте изучают наши нужды, привычки, торговые обычаи. Они найдут у нас широкую поддержку и покровительство; мы примем их с распростертыми объятиями и сделаем все, что в наших силах, чтобы быть им полезными».³⁸

В заключении Министерства иностранных дел по поводу программы работ Парижской экономической конференции категорически отвергалась мысль о том, что «экономический союз был бы невыгоден для нашего народного хозяйства». «Министерство иностранных дел, — говорилось в этом документе, — не только не усматривает в имеющихся в распоряжении его данных оснований считать уже доказанной невыгодность экономического сближения между союзниками, но, напротив того, полагает, что это сближение является наилучшим средством обеспечения русских государственных интересов».³⁹

Наконец, в инструкции для русской делегации на Парижской конференции прямо указывалось, что «установление автономного тарифа, не допускающего никаких отдельных уступок, вызовет и с другой стороны принятие такой же системы против нас, что, в конце концов, затруднив наш экспорт, привело бы к разным осложнениям, вплоть до таможенной войны с союзниками».⁴⁰ Там же указывалось, что не исключена и угроза таможенной

³⁷ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 8, д. 189, л. 2.

³⁸ А. Жи ро. Торговля России с Францией. Париж, 1915, стр. 31—32

³⁹ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 11, д. 470, лл. 7—8

⁴⁰ Там же, оп. 8, д. 190, л. 35.

войны с нейтральными странами, если их товары будут обложены дополнительными пошлинами. Царское правительство, добивавшееся в 1916 г. новых кредитов в Англии и во Франции, соглашалось открыть широкий доступ иностранному капиталу в Россию.

Одна из главных задач русской делегации на Парижской конференции состояла в том, чтобы внушить союзникам, что им надлежит оказывать России всемерную помощь, главным образом в смысле прилива к нам иностранного капитала в области железнодорожного строительства, намеченного в сумме свыше 3,5 млрд р., в сельское хозяйство и в предприятия добывающей и обрабатывающей промышленности.

Прилив иностранного капитала, по мнению царского правительства, был желателен для сооружения каналов, шлюзования рек и устройства гужевых дорог; для технической переработки сельскохозяйственной продукции, для орошения и осушения пустующих земель, для получения искусственных удобрений, улучшенных орудий обработки и отборных семян; для переработки продуктов животноводства и древесины в более ценные изделия; для развития льнообрабатывающей промышленности; для развития машиностроения, электротехники и производства химических и электротехнических веществ; для производства целлюлозы и писчей бумаги; для развития горной промышленности; для оборудования портов погрузочными приспособлениями и складскими помещениями. «Иностранный капитал мог бы участвовать также в деле в виде банковского кредита, в виде кредита под залог судов и в виде облигационного капитала».⁴¹ Царские чиновники приглашали англичан и французов приложить свои капиталы в особенности в Сибири, Туркестане, степных областях и на Кавказе.

Однако руководящие деятели «Комитэ де форж» и Сити не спешили пойти навстречу русским империалистам и предоставлять им всё новые кредиты. Их интересовало в то время другое: как можно больше выкачать из России пшеницы и овса, леса и спирта. В октябре 1916 г. Клемантель направил царскому правительству три меморандума об увеличении поставок спирта, леса, пшеницы и овса, стремясь при этом ущемить интересы России. Так, французы требовали бонификации, т. е. выплаты компенсации в случаях недостачи натурального веса пшеницы. Однако они ничего не говорили об обратной бонификации в случае превышения натурального веса. Далее, предлагалось выдавать бонификации Франции в случае повышенной засоренности пшеницы

⁴¹ Там же, оп. 27, д. 828, л. 65; см. также: ф. 560, оп. 26, д. 1356, лл. 11—12.

рожьё, однако не упоминалось о бонификации в пользу России в случаях поставок зерна лучшего качества, чем это предусматривалось соглашением. В такой же степени игнорировались интересы русских экспортёров при поставках овса. Кроме того, указывалось, что цена, уплачиваемая в русских портах отправления, определяется путем вычета из цен в английских портах стоимости фрахта и морского страхования зерна, причем руководящими для определения цен будут котировки канадского, североамериканского или аргентинского хлеба. Между тем не учитывалось, что канадское и аргентинское зерно бывает в неблагоприятные по урожаям годы иногда весьма плохого качества, ввиду чего низкая расценка этого зерна привела бы к снижению цен и на русский хлеб.⁴²

В декабре 1916 г. французское правительство направило еще одну программу «экономического сотрудничества» между Францией и Россией в послевоенный период.

Однако особое совещание, созданное при Министерстве торговли и промышленности под председательством Н. П. Лангового в конце февраля 1917 г., не успело подготовить ответ французам.

В связи с этим правительство Франции еще раз обратилось в июне 1917 г. с запросом к Временному правительству относительно его мнения по тому же вопросу.

Французские предложения касались четырех проблем.

Во-первых, расширения поставок зерновых хлебов. Французский министр торговли намеревался закупать в России все зерновые хлеба на выгодных для Франции условиях и по низким ценам. Кроме того, французы предлагали заключить соглашение сроком на 5 лет, по которому Россия была бы обязана вывезти во Францию сразу после войны 195 млн пудов пшеницы (32 млн квинталов), а в последующие годы в среднем по 122 млн пудов (15—25 млн квинталов). Такое же соглашение предлагалось и в отношении вывоза овса (30 млн пудов в год). Иными словами, французы требовали, чтобы Россия вывозила к ним по дешевке до 75% всей той пшеницы, которую она до войны продавала за границу. Вместе с тем французы не собирались покупать ячмень, который являлся важной статьей русского экспорта.

Во-вторых, Франция претендовала на приобретение лесных участков в Архангельской и Вологодской губерниях, где насчитывалось до 60 812 000 дес. лесов, из которых 58 949 000 дес. принадлежали государству и только 1 863 000 дес. — частным лесовладельцам и крестьянам. Французских промышленников интересовали главным образом такие ценные сорта древесины,

⁴² Там же, ф. 23, оп. 8, д. 191, лл. 71—72 об.

как сосна, ель, а также доски, строительный лес, рудничные столбы, мягкий лес для целлюлозы.

В-третьих, они требовали вывоза во Францию спирта, который был особенно дешев после запрещения торговли спиртными напитками в России; они рассчитывали использовать его как горючее для автомобильного транспорта вместо дорогостоящего американского бензина.

В-четвертых, французские фирмы интересовались добычей полезных ископаемых в России, в частности каменного угля в Сибири, медных руд на Кавказе, в Туркестане и Сибири и железных руд в Сибири.⁴³

Из письма министра иностранных дел Временного правительства Терещенко временному управляющему Министерством торговли и промышленности Степанову от 24 июня 1917 г. видно, что временное правительство в принципе не возражало против принятия французских предложений.⁴⁴

Об этом же свидетельствуют и заключения Министерства земледелия, Министерства торговли и промышленности, в частности его Горного департамента, а также Главного управления неокладных сборов и казенной продажи питей при Министерстве финансов. Возражения касались лишь частных вопросов, включая размеры поставок, установления цен и т. д.

Спрашивается, почему же царское, а позднее Временное правительство, идя на большие уступки союзникам, все же откладывало ратификацию решений Парижской конференции?

Во-первых, правительственные круги в Петрограде вынуждены были в известной степени считаться с мнением крупной буржуазии, которая сама стремилась нажиться на войне.

Так, член Государственного совета и председатель Московского биржевого комитета Г. А. Крестовников писал Сазонову 15 сентября 1914 г.: «Нам надо стремиться не заменять ввоз германских товаров ввозом их из Америки или Англии, а употребить все усилия, чтобы развить производство их в России. Было бы для России большой новой экономической ошибкой, если бы мы не воспользовались настоящими благоприятными условиями именно в этом смысле».⁴⁵

Он же призывал правительство позаботиться об интересах русских импортеров, товары которых, закупленные за границей, оказались в результате войны разбросанными по различным портам мира. «Торгово-промышленные дома, — писал он, — уже теперь получают от наших друзей в Англии и во Франции такие

⁴³ Там же, оп. 11, д. 553, лл. 9—11.

⁴⁴ Там же, л. 1—1 об.

⁴⁵ Там же, оп. 8, д. 189, л. 4.

предложения и требования, из которых ясно видно их стремление всю тяжесть убытков от войны переложить всецело на нас».⁴⁶

«Главная ошибка нашего правительства, — указывали члены Особого совещания по обороне государства, — состоит в том, что оно ведет свои переговоры с союзниками... на почве нужды и недостатков, игнорируя при этом главные преимущества России, согласно которым она имеет нравственное и физическое право требовать... а не хлопотать и не выпрашивать случайные уступки или дорого оплачиваемые ссуды».⁴⁷

Московский биржевой комитет, Совет съездов представителей промышленности и торговли и другие организации предпринимателей требовали возвращения к автономному тарифу 1891 г. Это требование было учтено в «Справке о работах по пересмотру таможенного тарифа», составленной Министерством торговли и промышленности в феврале 1916 г. Отмечая кабальный характер русско-германского торгового договора 1904 г., справка указывала, что льготами, предоставленными по договору Германии, пользовались, по праву наибольшего благоприятствования, и все остальные страны, с которыми были заключены торговые соглашения, включая Англию, Францию, Италию и другие союзные страны. Справка возражала против системы двух тарифов: общего и конвенционного, что превращало бы основной тариф в бессистемный. Она отвергла предложение сенатора Мелина об установлении тройного тарифа, что позволило бы французам в любой момент менять тарифные ставки. Наконец, ее авторы высказывались против перехода от принципа наибольшего благоприятствования к принципу взаимности («даешь—даю»). В ней доказывалось, что Россия «не может с легкостью менять одних покупателей на других; в частности, германский рынок для нас был чрезвычайно важен в отношении отпуска товаров, в особенности зерновых хлебов».⁴⁸

Во-вторых, царское правительство не спешило с ратификацией парижских решений еще и потому, что оно пыталось заключить сепаратный мир с Германией и развязать себе руки для подавления нарастающего революционного движения в стране. Как известно, в июле 1916 г. товарищ председателя Государственной думы — Протопопов, возвращаясь из Лондона, где у него произошла стычка с Греем, встретился в Стокгольме с банкиром Варбургом, действовавшим по уполномочию немецкого посланника фон Люциуса. Немцы предлагали заключить сепаратный мир с Россией на условиях эвакуации ими части Польши, присо-

⁴⁶ Там же, л. 5

⁴⁷ И. В. Маевский. Экономика русской промышленности в условиях первой мировой войны. М., 1957, стр. 206.

⁴⁸ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 8, д. 189, л. 58 об.

единения Литвы и Курляндии к Германии, сохранения Эльзаса в немецких руках и уступки некоторых колоний союзникам. Эти предложения были доложены Николаю II. В сентябре 1916 г. Протопопов был назначен управляющим Министерством внутренних дел. Еще в июле 1916 г. Николай уволил англофила Сазонова и назначил министром иностранных дел председателя Совета министров германофила Б. В. Штюрмера.

В «Русском гражданине» появилась статья Булацеля, в которой говорилось, что за два года войны английская армия продвинулась всего на 200 ярдов.⁴⁹ Русский посол в Лондоне Бенкендорф жаловался на то, что со времени назначения Штюрмера англичане начали прятать при появлении русского посла различные секретные бумаги. Когда он, шокированный этим фактом, осведомился о его причине, ему разъяснили: «Знаете, мы не уверены теперь, что самые большие секреты не проникнут к нашим врагам. Напротив, мы имеем признаки, что каким-то способом эти секреты становятся известными неприятелю со времени назначения Штюрмера».⁵⁰

Анализируя противоречия внутри Антанты, В. И. Ленин указывал: «Наряду с столкновением разбойничьих „интересов“ России и Германии существует не менее — если не более — глубокое столкновение между Россией и Англией. Задача империалистской политики России, определяемая вековым соперничеством и объективным международным соотношением великих держав, может быть кратко выражена так: при помощи Англии и Франции разбить Германию в Европе, чтобы ограбить Австрию (отнять Галицию) и Турцию (отнять Армению и особенно Константинополь). А затем при помощи Японии и той же Германии разбить Англию в Азии, чтобы отнять всю Персию, довести до конца раздел Китая и т. д.»⁵¹

В-третьих, на протяжении 1916—1917 гг. помещичье-буржуазные политики России пытались в какой-то степени маневрировать, сохранить свободу рук и использовать противоречия не только между Антантой и Германией, но также и противоречия между англо-французами и американцами, выступавшими против блокады Германии.

В инструкции для русской делегации указывалось, что она командировается в Париж исключительно лишь для обмена мнений с участниками конференции. Делегации предоставлялось право выслушивать те или иные пожелания союзников, знакомить их с принятыми Россией мерами по отношению к вражеским

⁴⁹ Д. Бьюкенен. Мемуары дипломата. М., стр. 156.

⁵⁰ Падение царского режима, т. VI. Л., 1926, стр. 343.

⁵¹ В. И. Ленин. О сепаратном мире. Сочинения, т. 23, стр. 115—116.

государствам, высказывать свои пожелания, получать сведения о мерах, принятых союзниками против австро-германского блока. Но делегация не уполномачивалась давать союзникам какие-либо определенные обещания в отношении будущей экономической политики России и предоставления, в частности, союзникам тех или иных льгот. Ей предоставлялась возможность заявить о готовности русского правительства отнестись благожелательно к соответствующим пожеланиям союзников, если осуществление таких пожеланий не будет ограничивать свободного экономического развития России.⁵²

В сентябре 1916 г. Франция и Англия обратились с запросом в Петроград. Их интересовало, когда Россия ратифицирует решения Парижской конференции. На это с русской стороны последовало предложение сопроводить ратификацию особой оговоркой, которая, составляя неразрывную часть актов ратификации, не подлежала бы оглашению наряду с прочими актами конференции.

«Такая оговорка, — указывалось в ответе, — отличаясь от заявления, сделанного итальянским правительством, оставляла бы известную свободу действий всем трем правительствам в тех областях экономической жизни, которые связаны с особенностями местных условий подлежащих стран».⁵³

В апреле 1917 г. союзники вновь поставили, на этот раз перед Временным правительством, вопрос о ратификации решений Парижской конференции.

Поддерживая это предложение, министр иностранных дел кадет П. Н. Милюков обратился 5 апреля 1917 г. с письмом к министру-председателю Г. Е. Львову. В нем указывалось, что одна из главных задач России состоит в том, чтобы освободиться от старых торговых договоров, вернуть себе свободу внешней торговли и заменить старые торговые договоры новыми. Царское правительство, продолжал Милюков, не справилось с разработкой оснований новых торговых договоров. Приняв участие в Парижской конференции, оно не решилось высказаться в пользу этих решений или же отвергнуть их. Работа финансово-экономической комиссии во главе с Н. Н. Покровским, возглавлявшим русскую делегацию в Париже, не дала результата вследствие громоздкости ее состава и чрезмерной широты программы. Новый таможенный тариф, выработанный под руководством прежнего товарища министра торговли и промышленности Н. П. Лангового, не рассматривался правительством.

Указывая, что подготовка к заключению новых торговых договоров не терпит отлагательств, Милюков ссылался на то, что

⁵² ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 8, д. 190, лл. 2—77.

⁵³ Там же, оп. 11, д. 660, л. 1

необходимо теперь же определить, на каких основаниях можно заключить новые торговые договоры с Италией и Соединенными Штатами Америки.⁵⁴

В связи с этим он предлагал немедленно созвать совещание под председательством одного из министров и разработать на нем предложения для решения поставленного вопроса.

30 апреля 1917 г. этот вопрос обсуждался на совещании под председательством министра торговли и промышленности А. И. Коновалова. Совещание единогласно решило, что ратификация парижских решений при полной невыясненности начал, на которых будет после войны базироваться внешняя торговля России, едва ли представляется своевременною.

Совещание высказалось против утверждения решений конференции по следующим соображениям:

«1) Недоброжелательное, по всей вероятности, отношение к подобному шагу правительства большинства органов прессы, которые усмотрят в этом новые покушения на свободу враждебных государств и разделение Россией империалистической тенденции ее союзников;

«2) возможность показать союзникам нашу солидарность с ними в общей экономической программе иным путем, а именно согласием денонсировать, по предложению Франции, все заключенные нами с иностранными государствами торговые договоры;

«3) необходимость учитывать то несочувствие постановлениям Парижской конференции, которое проявила в свое время Америка, ставшая теперь нашей союзницей и не намеревающаяся, тем не менее, присоединиться к резолюциям конференции и

«4) желательность предварительного и достаточно обоснованного обмена мнений с союзниками по части обеспечения за нами новых рынков сбыта в случае потери нами рынка германского (особенно важное значение в этом отношении имеет уравнение наших прав с английскими колониями на великобританском рынке)».⁵⁵

5 мая 1917 г. Временное правительство поручило Министерству иностранных дел сообщить ответ союзникам через дипломатические каналы.

В августе 1917 г. Франция вновь запросила Временное правительство относительно срока ратификации парижских решений. Она рассчитывала, что ратификация этих решений Россией позволит ей убедить румын и американцев присоединиться к парижским резолюциям. «Французское правительство, — говорилось в письме министра иностранных дел Временного правительства

⁵⁴ Там же, д. 550, лл. 2—3.

⁵⁵ Там же, д. 660, л. 2 об.

министру торговли и промышленности 10 августа 1917 г., — затрудняется предложить правительствам румынскому и Соединенных Штатов Америки присоединиться к постановлениям конференции до утверждения их всеми участниками и надеется, что принятие их с нашей стороны даст возможность скорее добиться их принятия»⁵⁶ румынами и американцами.

Но Временное правительство так и не успело сторговаться с англо-французскими дипломатами. Помешала Великая Октябрьская социалистическая революция. Она смела буржуазно-помещичью власть. Она покончила со всеми грабительскими договорами. Она спасла Россию от национальной катастрофы, вывела ее из войны и вывела на путь строительства социализма.

⁵⁶ Там же, л. 1 об.